Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 3

1921 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Автобиографический очерк.

I. Детство и юность.

Родилась я в 1872 году и выросла в семье помещичье-дворянского быта. Отец мой был русский генерал, украинец родом. Мать—финляндская уроженка, из крестьянской семьи. Детство и юность провела в Петербурге и Финляндии. Как младшая в семье и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами.

С детства я доставляла матери много хлопот и горя моим стремлением «не жить, как все». Дружила с прислугой, заступалась за «подгорничных»—девочек-подросточек, которых все старшие в доме эксплоатировали; отстаивала свою «самостоятельность»; упивалась книгами и жила своим особым, замкнутым от взрослых, внутренним миром.

Писать любила с детства. У меня насильно отнимали бумагу и перья. Но всего больше меня возмущали социальная несправедливость и неравенство. Меня оскорбляло то, что я нахожусь в «привилегированном положении» в то время, как мои лучшие друзья «подгорничные» даже не смеют сесть при «барыне».

В гимназию меня не пустили,—боялись, что я там столкнусь с «неподходящим элементом». В 16 лет я сдала экзамен на аттестат зрелости и стала посещать частные курсы и лекции профессоров истории, литературы и т. д. На Бестужевские курсы меня тоже не пустили.

Занималась я много, главным образом под непосредственным руководством известного историка литературы Виктора Петровича Острогорского. Он считал, что у меня есть литературное дарование, и всячески толкал меня на путь журналистики. Вышла замуж очень рано, отчасти в виде акта протеста против воли родителей. Но через 3 года разошлась с мужем-инженером (В. Коллонтай), взяв на себя всецело воспитание сына [1]).

В это время мои политические убеждения начали уже определяться. Я работала в ряде культурно-просветительных обществ, носивших тогда (это было в первой половине 90-х годов) характер вывесок для подпольных начинаний. Так напр., работая в известном тогда «Подвижном музее учебных пособий», мы завязывали связь с

[1]) Моя девичья фамилия Домонтович.

шлиссельбуржцами; работая в просветительных обществах и давая уроки рабочим, мы, таким образом, получали живую связь с рабочими; устраивая благотворительные вечера, мы добывали средства для политического «красного креста».

1896 год был решительный год в моей жизни. Весной эт го года я побывала в Нарве, на известной Кренгольмской мануфактуре. Закабаленность 12.000 ткачей и ткачих произвела на меня ошеломляющее впечатление. Тогда я еще не была марксисткой и скорее склонялась к народничеству и терроризму. После посещения Нарвы занялась изучением марксизма и экономики. В то время выходили один за другими два первых легальных марксистских журнала— «Начало» и «Новое Слово». Чтение их на многое мне открыло глаза. Путь, который я стала с особенной настойчивостью искать после посещения Нарвы, был мною найден.

Выяснению моих политических взглядов также много способствовала знаменитая стачка текстильщиков в 1896 году в Петербурге, в которой участвовали до 36.000 рабочих и работниц. Вместе с Е. Д. Стасовой и многими другими товарищами, работавшими еще только на периферии, мы организовывали сборы и помощь стачечникам. Этот наглядный пример растущей сознательности пролетариата, при полной его закабаленности и бесправии, заставлял меня уже решительно перейти в лагерь марксистов.

Однако литературно я на этом поприще еще не работала и в движении активного участия не принимала. Я себя считала слишком мало подготовленной. В 1898 году я написала первую свою литературную работу из области психологии воспитания — «Основы воспитания по взглядам Добролюбова». Она появилась в сентябре 1898 г. в журнале «Образование», который тогда еще носил педагогический характер, а затем превратился в один из наиболее выдержанных легальных органов марксистской мысли. Редактором был А. Я. Острогорский. В августе того же года я уехала за границу изучать социальные и экономические науки.

В Цюрихе поступила в университет к профессору Геркнеру, чья книга по рабочему вопросу (в ее втором издании) меня заинтересовала. Было характерно, что по мере того, как я углублялась в область изучения законов экономики, становилась все более и более «ортодоксальной» (правоверной) марксисткой, мой профессор и руководитель становился все более и более правым и отходил от революционной теории Маркса, и в 5 издании своей книги стал настоящим ренегатом.

Это был любопытный период, когда в германской партии с легкой руки Бернштейна появилась тенденция к открытому практическому соглашательству, оппортунизму, «ревизионизму», т.-е. пересмотру теории Маркса. Почтенный мой профессор вторил Бернштейну, пел ему дифирамбы. Но я решительно стала на сторону «левых», увлекалась Каутским, зачитывалась издаваемым им журналом «Новое Время» и статьями Розы Люксембург, особенно ее брошюрой «Социальная революция или социальные реформы», где она разбивала приспособленческую теорию Бернштейна.

По совету моего профессора и снабженная его рекомендациями, я отправилась в 1899 г. в Англию «изучать» английское рабочее движение, которое будто бы должно было меня убедить, что истина за оппортунистами, а не за «левыми».

У меня были рекомендации к «самим» Сиднею и Биатриссе Вебб; но после первых же разговоров с ними я поняла, что мы говорим на разных языках, и без их руководства я начала знакомиться с английским рабочим движением. Это знакомство, однако, убедило меня как раз в обратном. Оно показало мне всю остроту социальных противоречий, существующих в Англии, и все бессилие реформистов излечить их тактикой тред-юнионизма, или с помощью знаменитых «сэтлементов» (культурных ячеек в рабочих кварталах) вроде Тоинби-холль, «дворцов народа», коопераций, клубов и т. д. Из Англии я вернулась еще более утвердившейся в правильности мировоззрения «левых», «правоверных» марксистов, но уже поехала не в Цюрих, а в Россию. У меня завязались связи с подпольными работниками, и хотелось скорее применить свои силы на живом деле, приложить их к борьбе.

Когда я уезжала из России в 1898 г., вся передовая часть интеллигенции, студенчество, была настроена «марксистски». Кумирами были, помимо Бельтова,—Струве и Туган-Барановский. Шла ожесточенная борьба между народниками и марксистами. Молодые силы: Ильин (Ленин), Маслов, Богданов и др. теоретически обосновывали революционную тактику, складывавшуюся в подполье социал-демократической партии.

Я ехала в радужной надежде очутиться среди единомышленников. Но осенью 1899 г. Россия была уже не та, что год назад. Произошел сдвиг; медовый месяц объединения легального и подпольного марксизма пришел к концу. Легальный марксизм встал открыто на сторону защиты крупного промышленного капитала. Левое крыло уходило в подполье, все решительнее защищая революционную тактику пролетариата. Место увлечения Марксом заняло

среди студенчества и интеллигенции не менее страстное увлечение «бернштейнианством», ревизионизмом. В моду стал входить Ницше с его «аристократизмом» духа.

Помню, как сейчас, вечер, устроенный в квартире отца Ел. Дм. Стасовой на Фурштадтской в пользу политического «красного креста». Струве делал доклад о Бернштейне. Публика была «избранная», много подпольных работников, и все-таки доклад Струве был встречен сочувственно, с полным одобрением. Против Струве выступал тогда только Авилов; поддерживали же Струве все светила и «имена» того периода. Я взяла слово. Дали мне его неохотно, как лицу, мало кому известному. Моя слишком горячая защита «ортодоксов» (левых) встречена была общим неодобрением и даже негодующим пожиманием плеч. Кто-то нашел, что неслыханная дерзость выступать против таких общепризнанных авторитетов, как Струве и Туган; другой находил, что подобное выступление на руку «реакции»; третий—что мы уже переросли «фразы» и должны стать трезвыми политиками...

В этот период я писала статьи против Бернштейна, о роли классовой борьбы в защиту «правоверных» для журнала «Научное Обозрение»; но цензура красными и синими карандашами отмечала мои статьи, как непригодные к печати.

Тогда я решила отдаться научной работе в области экономики. Связь с Финляндией у меня была живая. Между тем финляндский народ переживал черный период бобриковщины, насилия и гнета со стороны русского самодержавия. Основы самостоятельности маленького народа были поколеблены; конституция, законы страны—нагло нарушены. Шла борьба между финляндским народом и русским самодержавием. Вся моя симпатия не умом лишь, а нутром была на стороне Финляндии. Я видела в Финляндии растущую, но еще мало кем осознанную силу промышленного пролетариата, отмечая признаки обостряющихся классовых противоречий и образование новой рабочей Финляндии, в противовес националистским буржуазным партиям шведоманов, финноманов, младофиннов. Войдя в живое соприкосновение с финскими товарищами, я помогала им организовывать первый стачечный фонд. Мои статьи о Финляндии появились в 1900 г. в немецком экономическом журнале «Soziale Praxis», в «Научном Обозрении» и в «Образовании». Одну статью, конкретно статистическую, поместило «Русское Богатство». Одновременно, в годы 1900—1903, я собирала материал для своей большой работы экономико-статистической о Финляндии под невинным для цензуры названием «Жизнь финляндских рабочих».

Разумеется, эти годы не исчерпывались одной литературно-научной работой: приходилось вести и подпольную работу, но больше на периферии: вести кружки за Невской заставой, составлять воззвания, хранить и распространять подпольную литературу и т. д. В 1901 г. я отправилась за границу. Здесь у меня завязались личные связи с Каутским, Розой Люксембург, Лафаргами в Париже и Плехановым в Женеве. В «Заре» появилась моя статья о Финляндии без подписи, в «Новом Времени» Каутского также моя статья под псевдонимом Элин Молин.

С тех пор я оставалась с иностранными товарищами в регулярных сношениях.

В начале 1903 г. появилось в печати мое исследование о положении финляндских рабочих и о развитии народного хозяйства Финляндии под названием «Жизнь финляндских рабочих». Написанная в марксистском духе, книга встречена была сочувственно подпольными работниками и неодобрительно со стороны многих легальных марксистов. В 1903 году я впервые выступила на открытом собрании, организованном студентами в Татьянин день, противопоставляя в своей речи идеалистическое мировоззрение социалистическому. Летом 1903 г. снова ездила за границу. Это было время крестьянских восстаний в России; рабочие Юга подымались. Мысль кипела и бродила; все острее сталкивались две враждебные силы: подпольная Россия, идущая к революции, и самодержавие, упрямо цеплявшееся за власть. Промежуточное положение занимала группа «освобожденцев» со Струве во главе. Многие из моих близких друзей шли к «освобожденцам», видя в них «реальную силу», считая чистый социализм для тогдашней России утопией. Приходилось резко расходиться с недавними соратниками и единомышленниками.

В эмиграции социалистической шли споры уже не между народниками и марксистами, как в былые годы, а между «меньшевиками» и «большевиками». У меня были друзья в обоих лагерях. По душе ближе мне был большевизм, с его бескомпромиссностью и революционностью настроения; но обаяние личности Плеханова удерживало от осуждения меньшевизма. По возвращении из-за границы в 1903 г. я не примкнула ни к одной из партийных группировок, предоставив обеим партийным фракциям использовать меня в качестве агитатора, по части «прокламаций» и других текущих заданий.

II. Революция 1905 года.

Конец 1903 года и весь 1904 г.—эпоха пробуждающейся либеральной общественности. Весна либерализма, эпоха знаменитых «банкетов», речей, литературно-политических собраний и политических салонов-кружков. «Освобожденцы»—будущие кадеты—праздновали свой медовый месяц. Но против них-то и направляли социал-демократы свою главную борьбу.

Рядом с расцветшим под «благосклонной терпимостью» Святополка-Мирского [1]) либерализмом и кадетизмом шла спешная работа организации сил пролетариата, работа углубления и расширения в массах влияния социал-демократии. Под благовидным предлогом «уроков географии» в воскресной школе за Невской заставой я вела тогда кружок из 25—30 рабочих; несколько из них я позднее, в октябрьские дни, встретила, как активных участников революции. В легальной литературе (московском журнале «Правда», «Образование» и др.) боролась с революционизмом и «министериализмом». Написанная тогда же брошюра моя «Классовая борьба» была приостановлена цензурой и появилась лишь в 1905 г., чтобы вскоре быть конфискованной.

По мере нарастания революционного шквала 1905 г. активная связь моя с большевиками крепла. Правда, я не порывала личных сношений с Плехановым, но уже зиму 1904—1905 г. определенно работала с большевиками: т. Богдановым, т. Базаровым, т. П. П. Румянцевым, т. Авиловым, Е. Д. Стасовой и другими.

В ноябрьской демонстрации студенчества 1904 г. мы принимали активное участие. В виде демонстрации нами организована была немедленно после ареста доставка продовольствия арестованным, что неприятно поразило полицию, показав, что мы действуем «с планом». В день демонстрации, вечером, в залах «Техноложки» в Петербурге состоялся грандиозный митинг с участием представителей всех политических групп. Отсутствовали одни большевики. В противовес митингу, где выступали представители всех течений—в отдельной аудитории (кажется, физической) мы устроили митинг одних большевиков. Товарищи, в том числе и я, выступали под вымышленными именами, некоторые загримированные. Это «отмежевание» от остальных политических групп было проведено по моей инициативе.

Кровавое воскресенье 1905 г. застало меня на улице.

---

[1]) Тогдашний министр внутренних дел.

Я шла с демонстрантами к Зимнему дворцу, и картина жестокой расправы с безоружным рабочим людом навсегда запечатлелась в моей памяти. Необычайно яркое январское солнце, доверчивые, выжидательные лица... Роковой сигнал выстроенного вокруг дворца войска... Лужи крови на белом снегу... нагайки царской жандармерии, убитые, раненые, расстрелянные дети.

Партийный комитет тогда отнесся с недоверием и осторожностью к выступлению 9 января. Многие товарищи на специально организованных рабочих собраниях пытались отговорить рабочих от выступления, видя в нем «провокацию» и ловушку. Мне же казалось, что «итти надо». Это был акт самоопределения рабочего класса, школа революционной активности. А я увлекалась тогда решениями Амстердамского конгресса по вопросу о «массовых действиях».

После январских дней подпольная работа закипела с новой энергией и силой. Большевики в Петербурге начали издавать свою подпольную газету (названия не помню), в которой я участвовала не только как журналистка, но и неся техническую заботу по ее изданию. Из написанных мною в тот период прокламаций особенный успех имела прокламация, направленная против «земского собора» за Учредительное Собрание.

Сохраняя все эти годы живую связь с Финляндией, я теперь активно содействовала объединению действий обеих партий (русской и финской социал-демократии), направленных на нанесение удара царизму.

В области литературной за период 1904—1905 г. я работала в ряде легальных марксистских журналов того времени: московской «Правде», «Образовании», специальном журнале «Фабричном Вестнике» и др. В те же годы вышли мои статьи по аграрному вопросу, по вопросам охраны труда, по движению в Финляндии. В ответ на философский сборник «идеалистов» Бердяева и Булгакова написана моя статья «Проблемы нравственности с позитивной точки зрения».

Вместе с пробуждением общественности во всех слоях зашевелились и русские буржуазные феминистки. Женщины стали созывать свои митинги. Безвредный «дамский клуб» «женского взаимноблаготворительного общества» принял политическую окраску, выдвинув вопрос о политических правах женщины. Многие социал-демократки и социалистки-революционерки готовы были подхватить лозунги буржуазных феминисток и устанавливали с ними сотрудничество на платформе «демократического избирательного права» пятичленки. Заработал кадетский по характеру «союз равно-

правности женщин» с Тырковой, Кальманович и Мирович во главе. Большевички: Базарова, Анна Гуревич, меньшевички Маргулиес, с.-ровки Волькенштейн и др. посещали собрания «союза равноправности» и втягивали вслед за собой на эти собрания работниц. В клубах они образовали «группу социалисток». Работницы, всколыхнутые великими событиями, имевшие свою официальную представительницу-делегатку в согласительной комиссии Шидловского, наводняли все политические митинги и собрания и искали, куда примкнуть. В апреле 1905 г. в зале Тенишевского училища по инициативе женских групп всех политических оттенков созван был первый обще-женский митинг в Петербурге. Выступали представительницы женского буржуазного движения, но выступали также в защиту «единой женской платформы» и социал-демократки.

Мне пришлось взять слово и самым резким образом отмежеваться от идиллии сотрудничества революционных социалисток с буржуазными равноправками. Мое выступление встречено было бурей негодования. Мне кричали, что я «играю в руки черносотенцам», что я разнуздываю страсти, что я потворствую «хулиганству» и «союзу русского народа». Писательница Крандиевская бросилась ко мне с криком: «Вас мало задушить!» Поддержала меня только одна работница, бывшая гапоновка (фамилию ее не помню). Помню, что, требуя самого резкого отмежевания от феминисток, полного единства в революционном движении пролетариата обоего пола, я, однако, призывала партию обратить больше внимания на печальную судьбу и двойное бесправие работниц. Мое выступление дало свои результаты: ко мне потянулись работницы. Они искали приложения своим силам, но еще не доросли до активного участия в партии. Да мы еще и не умели их тогда использовать, разбудить их самодеятельность и классовое сознание.

Сентябрь 1905 г. застал меня в живой работе среди масс. Я агитировала по крупным фабрикам и заводам—особенно у Невской заставы, на Охте и Васильевском Острове. Моя постоянная забота была, чтобы на наши собрания и кружковые занятия приходили работницы. На собраниях они бывали, но в кружке встречались единицы. И то, обычно, придут раз, другой, и исчезнут.

О том, что назревает октябрьская стачка, я знала от своих «учеников» по заводам. Эта же живая связь с массами дала мне возможность присутствовать на первом же собрании «Совета Рабочих Депутатов» в Технологическом институте в октябрьские дни 1905 г., когда Совет еще имел скромную задачу—оказать поддержку стачечникам и «руководить забастовкой». На одном из после-

дующих заседаний «Рабочего Совета» я впервые познакомилась с т. Троцким, который, присмотревшись к Совету, уловил, почуял его значение и в чеканно-четкой речи начертал задачи этого нового органа «объединения рабочих», еще не успевшего осознать своего значения. Также я познакомилась с Хрусталевым. На поддержку всеобщей забастовки шли сборы, которые стекались частью в П. К., частью шли непосредственно в кассу Совета. Я считала, что сборы через П. К. «заводят волокиту» с одной стороны, а с другой —что они суживают инициативу масс, которая охотнее жертвует непосредственно Совету. На этой почве у меня с членами П. К. были пререкания.

Совет мне приходилось обслуживать чисто-технически, прискивая помещение, обеспечивая его притоком средств. Я с увлечением отдавалась и этой работе, не переставая выступать на бесчисленных открытых митингах при стечении десятка тысяч слушателей. Это был особенный период опьянения политикой. Совет заседал дни и ночи, становясь все более и более политической силой, соперничающей с официальною властью. «Союзы» возникали как грибы, и во всех союзах и объединениях шла кипучая работа мысли, выработки «платформ», борьба мнений.

Вслед за увлечением «единством» оппозиционных кругов» в момент ярких октябрьских дней всеобщей забастовки, наступил период постепенного отрезвления струсившей буржуазии. Лозунги «восьми-часового рабочего дня» и «Учредительного Собрания», выкинутые социал-демократией, заставили буржуазию пугливо искать привычной опоры возле царского трона. На митингах и собраниях приходилось прежде всего разоблачать кадетов и вести с ними жестокую полемику. Советы получали все большую популярность среди широких масс, но П. К. не умел еще овладеть Советами и между комитетчиками и Советами не было тожества. Наши товарищи жили еще целиком навыком подполья, Советы стремились выйти из душной нелегальщины на открытую политическую арену; они опирались на широкие массы и заставляли эти массы жить и действовать, несмотря на то, что массы эти стояли еще вне партии. По вопросу об отношении к Советам у меня были разногласия с П. К. Работала я тогда при П. К. в качестве агитатора. Разногласия с П. К. шли по вопросу об использовании Советов и о подчинении их директивам партии. Я стояла за «самодеятельность».

По поручению П. К. мне пришлось ездить с агитацией и в провинцию. На одном из многолюдных митингов в Вильне я от-

крыто стала звать «к оружию». Немедленно появилась полиция; зал был оцеплен; но, благодаря ловкости и смышленности товарищей, мне удалось скрыться. В Петербурге же меня уже не тронули, что характерно для того периода растерянности власти. Одно время на мне лежала обязанность кассира П. К. Для пополнения средств П. К. мною задумано было и выполнено в 1906 г. издание 1 легального «Рабочего Ежегодника», нечто вроде справочника для рабочих,—с рядом статей по различным вопросам политическим, социальным и т. д. Участники сборника, в смысле партийных группировок, носили довольно пестрый характер: левый б-к Луначарский и меньшевик Мартов, страховик Шарый и доктор Н. В. Васильев, друг Плеханова. Должен был дать статью и Плеханов, но, узнав, что т. Луначарский участвует в сборнике, ответил, что с «богоискателями» он «под одним корешком» выступать не намерен. Несмотря на то, что сборник вышел «вне-фракционный» по видимости, в нем преобладали меньшевистские авторы. Вызвано это было тем, что в 1906 г. я отошла от большевиков и по вопросу об отношении к Государственной Думе решительно стала на точку зрения «использования Гос. Думы», что сблизило меня с меньшевиками. Мне представлялось, что вхождение в Думу поощряет активность, самодеятельность масс, способствует их политическому воспитанию, бойкот же ведет к пассивности, мешает развитию самодеятельности. Расхождение с большевиками началось у меня еще ранее по вопросу об отношении к Советам. Я не вошла в список сотрудников 1 легальной б-ской газеты в России в 1905—1906 г. Тогда м-ский орган поспешил закрепить меня за собой.

Между тем борьба с буржуазным феминизмом разгоралась. Рядом с дамским политически-ручным «женским взаимоблаготворительным обществом» работали «женская профессиональная партия» с доктором Покровской во главе и активный «союз равноправия», популярность которого сильно возрастала. Борьба шла теперь в открытую. Но сила еще была на стороне равноправок— «общественное мнение» было с ними, общественное же мнение делали не рабочие, а интеллигенция. На собраниях еще мало политически пробужденных работниц, домашней прислуги, ремесленниц— равноправки имели успех, и не мало труда стоило проводить свою линию, не вызывая протеста. Планомерной работы партия тогда еще среди работниц не вела, изданий для работниц, за исключением брошюр Саблиной (т. Крупской), и то нелегальных, не было. Помню, как вскоре по приезде в Россию Веры Засулич я поехала к ней, чтобы специально посоветоваться: как ставить работу среди

работниц, с какого конца начать? Но не встретила со стороны Веры Засулич ни малейшей поддержки. Она находила подобную затею излишней, если не вредной.

Зимой 1905—1906 г. мне приходилось не только вести свою обычную агитационную работу в массах, сражаться с феминистками, где только возможно, отстаивая мысль, что для социал-демократии нет отдельного женского вопроса, но и читать ряд открытых лекций на тему о роли женщины в хозяйстве, об истории брачных отношений и т. п., популяризируя принципы социализма в связи с задачей всестороннего раскрепощения женщины. Приходилось все еще вести борьбу со своими товарищами по партии, которые, отмежевавшись от «союза равноправия» весной 1906 г., образовали 2 «социалистических женских клуба», куда входили и б-чки и м-ки, и с-ровки. Несмотря на то, что членами этих клубов являлись и работницы, что они притягивали массы,—я решительно отказалась их посещать, считая, что прежде всего в вопросе борьбы за освобождение женщины должна быть начерчена четкая и ясная классовая линия.

Но зато я принимала участие в «обществах образования» рабочих, которые явочным порядком возникали в Петербурге, и где широкие беспартийные рабочие массы получали основы своего социалистического воспитания. В связи с дискуссиями по вопросам о бойкоте Думы, весной 1906 г. мне пришлось уже непосредственно участвовать в работах меньшевистского центра и сотрудничать в меньшевистском центральном органе.

Осенью 1906 г. мы встретились с Розой Люксембург в Финляндии. По ее совету я решила поехать на Мангеймский съезд германской партии, в связи с которым созывалась и конференция социал-демократок. Конференция мне дала точку опоры в вопросе о работе партии среди женщин. Встречи и беседы с Кларой Цеткин, работницей Баодер, Венгельс и др. утвердили меня в правильности моего стремления создать при партии аппарат по работе среди женщин.

Вернувшись в Россию, я в ряде лекций и бесед отстаивала и проводила свою точку зрения о необходимости для партии начать специальную работу среди женщин. Сочувствие я встречала только среди самих работниц, а партийные товарищи относились к моим словам более скептически и равнодушно. Были и такие, особенно среди старых партийных революционерок, которые в моем предложении видели «вредный уклон к феминизму».

Помню, как сейчас, первую неудачную попытку собрать с согласия П. К. собрание работниц, на котором предполагалось обсудить вопрос об образовании «Бюро работниц» в партии. П. К. обещал отвести нам помещение на определенный вечер. Но когда нас несколько человек явилось на собрание работниц—дверь в назначенное помещение не только оказалось закрытой, но кто-то оставил нам нарочную грубую надпись: «Собрание *только для женщин* отменяется», «завтра собрание *только для мужчин*». Один из сопровождавших нас рабочих (если не ошибаюсь, это был т. Сильнов с Невского завода), возмущенный такой выходкой, пригласил нас всех к себе в комнату, где мы и провели свое первое организационное собрание работниц. Но бюро так и не избрали,—нас было слишком мало.

Я поехала объясняться по этому поводу в П. К. Формально товарищи не запрещали нашего почина, но содействия не оказывали. Вернее всего, что вопросом этим никто не интересовался. А между тем опасность со стороны буржуазных феминисток росла. С-рки шли с равноправками, поддерживали их. Все женские буржуазные объединения имели журналы, выпускали брошюры, воззвания, собирали совещания, группировали вокруг себя работниц и крестьянок из провинции и при помощи петиций в Гос. Думу. Противовес был необходим. Мы теряли курсисток, женскую трудящуюся интеллигенцию и не приобретали прочной базы среди работниц.

Весной 1907 г. мною написана была статья для нелегального ц. органа меньшевиков по вопросу об организации работниц. Этой статьей вопрос о создании специального аппарата для работы среди женщин был, наконец, поставлен. Тогда же, весною 1907 г., я начала работать в союзе текстильщиков. Вместе с этим союзом мы организовали весной 1907 г. ряд митингов в Петербурге специально для работниц. Чтобы иметь возможность привлечь возможно больше народа, мы митинги эти устраивали, как и вообще водилось в те времена, под предлогом лекций-дискуссий. Кто-либо из своих, чье имя не было «запачкано» в глазах полиции, брал безобидную тему: «Гигиена материнства», «О клубах работниц в Англии»; лектор читал каких-нибудь 20 минут, а затем брали слово, и под видом прений мы проводили свою агитацию. Случалось, что пристав улавливал наш маневр и закрывал собрание. Но бывали случаи, когда лектору удавалось настоять на последнем слове резюмировать цель митинга. Наши митинги в доме Нобеля на Выборгской Стороне пользовались большой популярностью среди работ-

ниц и рабочих. Любимицей работниц была тогда большевичка Наташа (где она?). Митинги велись межфракционно.

Тогда же весной 1907 г. выделились несколько сознательных работниц: ткачиха Антонова (умерла), Анна Семеновна (Осипова) текстильщица, Соловьева портниха, Маруся Гурко портниха, позднее Клавдия Николаева—печатница, Ефремова—сиделка, яркая и своеобразная женщина. Образовалась сама собой группа, которая сохранила связь с работницами фабрик и заводов. На митинги равноправок мы посылали своих ораторов, но к себе буржуазных ораторш не допускали. Осенью 1907 г. я участвовала на международной конференции социалисток в Штутгарте и на конгрессе Интернационала. Я была единственной представительницей от России на международной конференции социалисток. На конференции шла борьба между правым и левым крылом женского Интернационала, отражавшая борьбу двух течений в Интернационале, в его целом. Первый пункт разногласия касался борьбы за всеобщее избирательное право. Австрийские социалистки вместе с Лили Браун шли на ряд компромиссов, Цеткин требовала стойкости. От имени России пришлось поддерживать левых против оппортунистов. Вопрос о формах работы среди женщин также вызвал разногласия: Цеткин стояла за образование международного секретариата, Лили Браун и «правые» вдруг усмотрели в этом «феминизм», и опять пришлось поддержать «левых» [1]). После Штутгартской конференции я вернулась в Россию с вполне созревшим планом работы среди работниц, к осуществлению которого и приступила с осени 1907 г.

Штутгарт на меня вообще имел большое влияние. Полемика и борьба течений на конгрессе, где против «самого» Бебеля шла Роза Люксембург, и где группа «левых» боролась с популярнейшими вождями, еще более укрепили мою уверенность в правильности того течения в социал-демократии, которое бескомпромиссно держит курс на социальную революцию. Именно поэтому тактика моих союзников по партии—меньшевиков—меня во многом не удовлетворяла. Я расходилась с оценкой роли буржуазного либерализма в России и считала всякого рода «соглашения» или сотрудничество ошибочными.

С своей стороны, мои соратники усматривали душок «большевистской фразеологии» в моих статьях; а статья об итогах Мангеймского съезда (1906 г.) вызвала даже нарекания: в ней усмо-

[1]) Эти разногласия описаны в моей брошюре «Международн. конгресс социалисток».

трели уклон к «синдикализму», хотя именно эта статья была написана под влиянием Розы Люксембург после живого и близкого с ней общения. Сближала меня и удерживала с меньшевиками их оценка профсоюзов и клубов самообразования рабочих, как школы самодеятельности рабочего класса, в то время как у большевиков была неизжита еще тактика «использования». «Ликвидаторство» не встречало моей поддержки. Еще в Мангейме спор между Плехановым и Потресовым укрепил меня в правильности позиции Плеханова. Зато в аграрном вопросе я всецело разделяла точку зрения Маслова о «муниципализации» против национализации, защищаемой большевиками.

Начиная с осени 1907 г. я берусь вплотную за дело организации работниц в Петербурге. Группа работниц, сплотившаяся весной 1907 года, явилась тем основным ядром, с которым я начала работу. Задача, мною поставленная, была: задеть, всколыхнуть широкие женские трудовые массы. Организация митингов становилась все более затруднительной по мере того, как после разгона 2-й Думы и ареста социал-демократической фракции, реакция начинала наглеть и укрепляться. В подполье доступ к широким женским массам был крайне затруднителен. Оставалась работа в союзах, но и она охватывала лишь ограниченный круг уже более сознательных работниц. Тогда мы решили открыть легальный клуб работниц под невинным уставом «Общества взаимопомощи работниц», на Предтеченской ул., близ Лиговки. На Лиговке помещалась наша главная опора—союз текстильщиков, и там частенько заседало «бюро профсоюзов». Союз текстильщиков так же, как и «ц. бюро» были по преимуществу меньшевистскими. Но клуб свой мы решили организовать «внефракционный», почему привлекли к нему большевичек и настояли на признании его со стороны П. К. Средства на содержание клуба доставали мы собственными усилиями.

История клуба так тесно сплетается с тем периодом моей жизни, что, стараясь вспомнить итоги моей работы в зиму 1907—1908 г., невольно вспоминаю эти этапы работы, трудности, препятствия, трения с партийными товарищами, которые возникали вокруг нашего первого клуба работниц.

В качестве лекторов работали у нас многие товарищи, но особенной популярностью пользовался д-р Васильев (плехановец). В клуб входило 200—300 работниц самых разнообразных профессий. Клуб открыт был каждый вечер. Помню, как на открытии его присутствовала Вера Засулич. У меня было необычайно подъемное настроение. Было радостно сознавать, что мы сумели превзойти

неисчислимые полицейские препятствия и в каких-нибудь $1^1/_2$ месяца не только добиться разрешения устава, но и заинтересовать работницу в нашем новом начинании. Тов. Засулич не разделяла моей радости и будто даже осуждала наше начинание, как «излишнюю затею», дробящую силы партии.

К весне атмосфера в клубе стала менее сплоченная. Появилась группа, требовавшая, чтобы вся «интеллигенция», из которой многие несли обязанности по клубу в качестве библиотекарш, лекторов и т. д., была исключена из членов клуба. С другой стороны, часть товарищей все еще не одобряла нашего «сепаратизма», готовая видеть в клубе уклон к «феминизму».

Не желая тратить по-пусту сил на бесплодную полемику и твердо веря в правоту взятой линии, я ушла из клуба. Но работы среди пролетариата не бросила. Я лишь стала искать других форм ее проявления. В ту же зиму мне пришлось завязать вновь более живую связь с финскими товарищами. Появилась моя брошюрка «Финляндия и социализм» (позднее конфискована), а в начале 1908 г. ряд статей о новой избирательной системе Финляндии. Так как на очереди стоял вопрос о взаимоотношении между Россией и Финляндией, то меня, как специалиста по данному вопросу, привлекли в комиссию социал-демократической фракции 3-й Думы. Реакция взяла верх. Легальная работа партии сосредоточилась почти исключительно вокруг думской фракции. Союзы и клубы самообразования были под угрозой закрытия. Руководящие партийные силы либо эмигрировали вновь за границу, либо перешли на нелегальное положение. Аресты, обыски, ссылки характеризуют тот темный период. Но разбуженная общественность все же прорывалась сквозь искусно сооружаемые царские рогатки. Под разными политически-невинными флагами собирались съезды, на которых в скрытой форме выливалось всеобщее недовольство и, как припев, звучал неизменно лозунг установления демократического режима. На этих съездах мы образовывали свою рабочую группу и выступали обычно сплоченно, договаривались по партийным фракциям, чтобы перед лицом врагов не было резкого разнобоя. Не раз приходилось выступать на этих съездах от имени рабочей группы. Но главное мое стремление было всегда побудить к выступлениям самих рабочих, помочь им подготовиться, дать толчок мысли. Со многими товарищами, молодыми рабочими, после этих съездов у меня надолго потом сохранилась личная и идейная связь. Одним из многообещающих рабочих в то время был металлист Яцыкевич, к сожалению, в эмиграции отошедший постепенно от нас, затем—умерший от

туберкулеза Каменев, секретарь текстильщиков Гриша; работниц же не выявилось, а между тем, сколько я тогда встречала ярких женских типов по фабрикам, заводам и мастерским!

Вопрос о привлечении широких масс к движению, о воспитании их для революции, о вовлечении их в борьбу для коренного изменения положения женщины, с помощью победы социализма, продолжал служить основной целью моей деятельности.

Весной 1908 г. стало известно, что буржуазные равноправки собираются созвать осенью того же года Всероссийский женский съезд в Петербурге. Заручившись благословением членов П. К., я уже с весны 1908 г. начала работу по подготовке к съезду.

Все предварительные заседания происходили у меня на квартире. Идея участия социал-демократок и работниц на съезде феминисток в виде особой «группы работниц» встречена была сначала довольно враждебно со стороны наших же товарищей как большевичек, так и меньшевичек. Одни видели в этом «уклон к феминизму», другие—уклон к соглашательству и сотрудничеству с враждебными буржуазными партиями. Особенно большую борьбу пришлось выдержать с П. К. и в частности с тов. Верой Слуцкой. Но так как я считала, что участие работниц на съезде равноправок, их выступление с собственной программой, со своими резолюциями и даже декларацией будет иметь колоссальное воспитательное значение для женских пролетарских масс, и так как на подготовку к съезду я возлагала в смысле пропаганды идей социализма громадную надежду, то я решила действовать явочным порядком и, оперевшись на союз текстильщиков (позднее на Ц. Б. профсоюзов) повела подготовку к съезду. Мне помогли в живой работе отдельные члены клуба работниц: Антонова—ткачиха (б-ка), Соловьева—работница иглы (б-ка), Марфуша (м-ка), Кувшинская (м-ка)[1] и др. Работа велась вначале довольно кустарно. Не было достаточно связи. А задача наша состояла в том, чтобы возможно глубже задеть нашей работой женские массы, всколыхнуть их, расшевелить, возбудить их самодеятельность. В связи с забастовкой на Выборгской стороне, мы снова созвали митинг в доме Нобеля; собралась масса работниц, но полиция не дала его закончить. Тем не менее работницы ушли под бодрым впечатлением, и мы получили свежие связи. Так как устраивать собрания становилось все затруднительнее, и так как работницы еще боялись нелегальных сборищ и неохотно их посещали, то мы прибегли к способу агитации помощью «именин». Сознатель-

[1]) Одна из крупных агитаторов того времени.

ная работница созывала к себе в каморку приятельниц и товарок «на именины»; сюда же под видом «подруги» являлся кто-нибудь из наших агитаторш. За именинным пирогом или за селедкой с луком заводили разговор о предстоящем женском съезде,—и обычно аудитория заинтересовывалась, просила прийти еще «рассказать» и «поучить». Весть о предстоящем женском съезде быстро разносилась по мастерским и, благодаря нашим усилиям, у работниц устанавливалось определенное враждебное отношение к равноправкам и тяготение к партии. Во время легальных предсъездовских митингов равноправок наши работницы приходили «сплоченной группой» «скандалить» и выражать свою несолидарность «с барынями». За это феминистки еще яростнее ненавидели меня, считая душой этих «хулиганских выступлений». Так бесконечна была ненависть ко мне со стороны буржуазных равноправок, что когда пришлось по делу быть у известной деятельницы по женскому движению Анны Павловны Философовой (матери писателя Д. Философова), то после моего ухода она, будто бы, крестила углы комнаты, изгоняя мой вредный революционный дух... Другой раз мне пришлось, чтобы покрыть свои расходы по подготовке к съезду, устроить платную лекцию. Сил по организации лекции было мало, и мне самой пришлось развозить «почетные билеты», за которые мы рассчитывали таким образом выручить больше денег. Но жена проф. Савича, кадетка, не зная, что я сама завезла ей билет,—стала яростно возмущаться, зачем это «приют» («приют» дал нам свой «флаг») устраивает лекцию этой «ужасной Коллонтай» и категорически отказалась от билета, но деньги «в пользу приюта» дала...

Одновременно с подготовкой к съезду я спешно работала весну и лето 1908 г. над книгой «Социальные основы женского вопроса». Затруднение было с изданием: книгу надо было выпустить к съезду, съезд назначен был в декабре, а книгу я закончила лишь в сентябре. Не всем моя книга пришлась по вкусу. Мои соратники по партии находили, что она решительно написана в «большевистском духе» и предлагали внести кое-какие изменения, на что я категорически отказалась, особенно там, где я считала необходимым осудить всякое сотрудничество или даже временные соглашения с представительницами буржуазии. Издательство «Знание» взялось выпустить книгу, но предварительно ее пришлось послать на просмотр М. Горькому на Капри. Что-то задержало рукопись при обратной пересылке. Я уже считала свой труд погибшим (копии у меня не было, написана она была от руки), но в ноябре рукопись прибыла и благодаря этой задержке книга вышла в свет лишь после съезда,

что было крайне досадно. Если бы участницы съезда имели ее раньше, то это способствовало бы еще большему закреплению нашей позиции. Самая горячая подготовка к съезду развернулась в октябре—ноябре 1908 г. Но как раз в сентябре 1908 г. против меня было поднято дело: за призыв к «вооруженному восстанию» в брошюре о Финляндии и за агитацию в союзе текстильщиков, свидетельствовавшую о «принадлежности к партии». В самый горячий момент работы пришлось перейти на нелегальное положение. Но работа от этого не проиграла. За два месяца до съезда я провела свыше 50 (сколько помню,—52) собраний с работницами. Легально я, разумеется, не выступала. Не раз полиция нападала на мой след, и спасала лишь самоотверженность работниц.

Так, во время одного собрания в помещении отдела союза металлистов нагрянула полиция. Секретарь союза имел на-готове союзную повестку дня; но мое присутствие могло погубить все дело. Тогда одна из работниц быстро повязала мне голову платком и сунула свой союзный документ мне в руки.

Бездокументной оказалась не я, а работница. В другой раз, (это было в клубе на Выборгской, где работал доктор Васильев) также явилась полиция; но у нас было условлено, что я даю уроки кройки и шитья, и выкройки блузок и юбок вполне убедили полицию в правильности наших показаний. Подготовка к съезду заключалась не только в агитации и в проведении выборов делегаток на съезд от работниц. Надо было также с уже избранными делегатками заготовить доклады. На съезд от нашей группы выступили, кажется, 5 докладчиц-работниц. Подготовка докладов являлась также своего рода школой для работниц. Особенно удачно выступала работница Волкова и Клавдия Николаева.

Всероссийский женский съезд, объединивший самые разнородные слои женского населения (от дам-благотворительниц и до нашей «хулиганской», по мнению феминисток, группы работниц), открылся в начале декабря. На предварительных совещаниях в клубе женского взаимноблаготворительного общества д-ра Шабанова, Философова и др. пытались склонить нас на соглашение, сговориться об условиях, на которых мы могли бы войти «в блок» с феминистками. Должна сказать, что у меньшевичек была склонность «к блокированию» и что в этом отношении я всецело опиралась на непримиримость и стойкость большевичек. Е. Д. Кускова с несколькими приверженцами пожелала примкнуть к «группе работниц», но именно она-то и ее друзья вносили дух соглашательского хаоса и грозили сорвать намеченную нами четкую, разграничитель.

ную классовую линию поведения на съезде, которая неминуемо должна была повести к нашему уходу со съезда, что я и считала логичным.

Незадолго до съезда П. К. санкционировал наше участие на съезде, делегировав Веру Слуцкую и определив нашим руководителем тов. Сергея. Но главную работу по подготовке к съезду мы проделали при поддержке ц. бюро профсоюзов. С помощью Ц. Б. издали воззвания к съезду, находили помещения для совещаний и т. д. Как-то во время выпуска одного из воззваний от имени Ц. Б., мы узнали, что П. К. тоже печатает обращение к работницам, предлагая не участвовать в съезде. Пришлось уговорить тов. из П. К. снять свое обращение и договориться окончательно с руководящим центром. Когда П. К. убедился, какой отсталый слой мы сумели затронуть, он изменил свое отношение к нашему начинанию, и уже вся работа на съезде велась при участии большевистского П. К. Во время агитационной кампании мне несколько раз пришлось столкнуться с провокатором Малиновским, относившимся открыто недружелюбно к нашей работе. На меня он всегда производил неприятное впечатление. Но меня удивляет, как это он, зная, что я нахожусь на нелегальном положении, не пресек моей работы, вместо того, чтобы сражаться со мной в словесной полемике. Или он в самом деле не придавал значения вовлечению «баб» в движение?

На съезде участвовали около 700 делегатов буржуазного крыла, наша же группа насчитывала 45 человек. Но, несомненно, эта же группа и служила центром внимания не только съезда, но и зорких глаз властей. Каждое выступление группки—вызывало бурю. Уже первое появление группки с красными гвоздиками на торжественном открытии съезда в зале городской думы, где выступали один за другими общественные деятели—не левее кадет, и где мы нарочно не брали слова, было своего рода демонстрацией, которую отметили в газетах. Мое намерение было присутствовать на съезде, но не выступать. Разумеется, это было невозможно. Мои выступления вызвали самые горячие дебаты. На следующий день зал оказался оцеплен полицией. Шла проверка документов. Меня предупредили, и вместо съезда я спешным порядком, имея все бумаги наготове, отправилась через границу. Доклад мой, заготовленный в письменном виде, прочитан был работницей Волковой. Когда поставлен был вопрос об образовании в России «внеклассового» женского центра, група работниц покинула съезд, осуществив свою задачу и выполнив начерченный нами план. Это сознание

давало мне громадное удовлетворение, несмотря на необходимость покинуть Россию и дорогое дело.

Помню зимнюю, снежную морозную ночь на станции Вержболово в тот бесконечно долгий час, когда шла проверка документов. Закутавшись воротником шубы, я ходила по заиндевелой платформе с одной неотвязной мыслью: удастся ли проскользнуть или задержат? Мучительно прислушивалась к звуку шпор, которые то спешно приближались, то удалялись вновь... И невольно возникал вопрос: когда и при каких условиях буду я возвращаться назад в Россию? Тогда не думалось, не верилось, что через 9 лет вернусь в бурлящий котел революции с другой границы, пережив мировое событие—длительную войну в атмосфере назревшей социальной революции. Революция в те дни, когда я шагала по заиндевелой платформе Вержболовской станции, казалась и много ближе, и все же крайне нереальной. Очертания ее представлялись иными.

Перед самым отходом поезда «синий мундир» (жандарм), гремя шпорами, вручил мне паспорт. Через 5 минут я уже гуляла «свободная» за рубежом, по залитой электричеством чистенькой, подтянутой, образцово налаженной пограничной станции Германии—Эйдкунен.

III. Период эмиграции.

За границей я пробыла с декабря 1908 г. по март 1917 г., т.-е. более 8 лет. За эти годы работала в Германии, Англии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Бельгии и Соединенных Штатах Америки. Это были годы своего рода ученичества в области работы среди широких масс разных национальностей, применительно к ближайшим задачам, стоящим перед социал-демократической партией каждой страны, практическая школа работы, которая укрепила во мне убеждение в творческих свойствах пролетариата, как класса. Очутившись за границей, я вошла немедленно в германскую партию и стала на работу в качестве агитатора, лектора и писателя. Писала в журнале Каутского «Новое Время» и в «Равенстве», руководящем органе социал-демократов; в австрийском журнале работниц и в партийной прессе Англии, Бельгии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии, Франции, Польши и Соединенных Штатов, участвуя, разумеется, также в русской заграничной прессе (меньшевистском Ц. О. под псевдонимом Михайлова, и в газете «Правда» тов. Троцкого) и в легальных марксистских журналах России. Весною 1909 года совершила по югу Германии свое первое агитационное турне. Агитацию вела общего характера, лишь

в отдельных случаях выступая на собраниях работниц. Тогда же, вместе с товарищем Кларой Цеткин ездила в Англию для специальной работы,—для борьбы с суффражистками по приглашению британской социалистической партии (левое, марксистское крыло английского движения) и для поддержки «союза избирательных прав для всех совершеннолетних». Годы 1909—1910 проработала в Германии, в Дрездене и в Берлине, совершая агитационные поездки по поручению центра и по приглашению местных организаций. Использовала меня также русская партия для объезда русских колоний в Германии, Швейцарии и Бельгии. Помимо обще-политических тем текущего характера, читала лекции о Толстом, о проблеме брака и семьи, о взаимоотношении системы хозяйства и плотности населения и т. д. В тот период я находилась в непрерывном деловом общении с проживающим в Париже т. Чичериным (Орнатским), секретарем «бюро политической эмиграции». Его неисчерпаемой энергии, преданности и самоотверженности обязана политическая эмиграция не только оказанием материальной помощи эмигрантам, но и установлением связи между группами эмигрантов и постоянным политическим их руководством. Тов. Орнатского знал каждый рабочий, попавший за границу; к нему шли за помощью лица самых различных партийных толков, всегда уверенные в его поддержке. Все, кому пришлось работать с тов. Чичериным-Орнатским в условиях эмигрантщины, сохранили на всю жизнь самое светлое воспоминание о его кристально-чистой личности, подававшей пример редкой трудоспособности и самоотверженности.

Для связи с руководящими товарищами меньшевистского центра мне приходилось ездить не раз в Париж и Швейцарию, но активной роли в работе русских центров я в тот период не принимала, уйдя всецело на практическую работу. Мои агитационные поездки того периода запечатлены в виде очерков в написанной мною в 1911 книге «По рабочей Европе».

В августе 1910 г. я участвовала в качестве делегатки от союза текстильщиков (русского) на международной конференции социалистов и на информационном конгрессе в Копенгагене. На конференции социалистов пришлось участвовать в борьбе двух течений по вопросу о тактике в завоевании избирательных прав для женщин и в вопросе охраны женского труда. Борьба эта описана в моей книге «По рабочей Европе» и запечатлена в ряде статей, появившихся в легальной русской прессе («Современном Мире», «Жизни» и др.). Здесь пришлось поддерживать левое крыло, возглавляемое Цеткин.

Зимой 1910—11 г. взяла на себя организацию протеста общественных деятелей Германии по поводу судьбы депутатов второй Государственной Думы. Начать пришлось с депутатов, что дало мне возможность стать постоянным посетителем рейхстага, ближе подойти к жизни и работе фракции и лучше узнать многих из руководящих верхов германской партии. Самое живое и деятельное участие в организации протеста принимал Карл Либкнехт и Оскар Кон. С Либкнехтом я позакомилась еще в 1906 году во время Мангеймского партейтага. Навсегда ярко осталась в памяти наша первая многочасовая беседа во время прогулки по гейдельбергским горам. С тех пор у нас установились с Либкнехтом крепкие и сердечные товарищеские отношения.

Либкнехта эмиграция считала «своим» по духу, почти что «русским». Из всех вождей немецкой партии—он один умел войти во все детали специально русских вопросов и всегда был в курсе наших дел. Мало того, Либкнехт олицетворял собою тот истинный дух товарищества в международном масштабе, которого не хватало многим вождям II Интернационала. Даже у Августа Бебеля, этой поистине львиной фигуры II Интернационала, полной ума и мощи, окруженной ореолом широчайшей популярности и уважением даже политических врагов, и у него проскальзывала своего рода национальная исключительность и легкий отпечаток превосходства, когда дело шло обо всех остальных партиях мира, помимо германской социал-демократии. В Либкнехте каждый чувствовал прежде всего товарища, потом уже вождя. И русские нередко злоупотребляли этим качеством «Карла», как звали его сокращенно в эмиграции, или «нашего Карла», как величали его немецкие рабочие. Организация протеста заставила также столкнуться с рядом германских общественных деятелей в области политики, науки, искусства. Тогда же познакомилась ближе с интересной деятельницей женского буржуазного движения 72-летней старушкой Минной Кауер, которая не знала власти лет и умела своей обаятельной речью заинтересовать многотысячную, подчас политически ей враждебную, аудиторию.

С Каутским и Р. Люксембург я все эти годы не прерывала дружеской связи. Устанавливались и росли скрепы и со многими германскими рабочими и работницами из самых низов. Приходилось встречаться и с Лили Браун, которая постепенно отходила от активной работы в партии, но которую я с любопытством изучала, как яркую, своеобразную личность. С Цеткин, Циц и Бадер отношения установились не только деловые—товарищеские, но

личные, дружеские, пока в 1912 году не разразился инцидент, вызванный появлением моей книги «По рабочей Европе». Но об инциденте поговорю ниже.

Для характеристики этого периода моей жизни и работы до 1912 года необходимо остановиться на связи с Россией. Как я уже указала, в заграничных центрах нашей партии активного участия я не принимала, но находилась в непрерывном общении с меньшевистским центром, выполняла ряд заданий и ездила на совещания с товарищами. Характерно, что, работая с меньшевиками, я не порывала личных связей с большевиками из группы «впередовцев», находилась в общении с группой троцкистов, и в берлинском центре партийной эмиграции у нас,—вследствие, вероятно, личного влияния тов. Бухгольца и моего,—существовал известный контакт в работе всех с.-д. партийных группировок.

Когда в 1911 г. возникла 2 партийная школа в Болонье (Италии) с Луначарским и Богдановым во главе (большевиками-впередовцами), меня вызвали туда (февраль, март) читать лекции по финляндскому вопросу и по эволюции семьи и хозяйственных форм.

С Россией связи я также не теряла. По поручению м-ской группы 3 Думской фракции я собирала материалы и составляла проект закона по охране и обеспечению материнства, в связи с кампанией, развертывающейся в России по поводу закона о государственном страховании рабочих. Составление этого законопроекта послужило толчком к моему последующему труду по вопросу страхования материнства,—«Общество и материнство».

В 1911 г. впервые 19 марта проводился международный день работниц. Я выступала во Франкфурте на Майне, участвуя также в предварительной его подготовке. Тогда же усиленно настаивала на том, чтобы работницы в России в той или иной форме отметили этот день. Но не было организации, не было центра, который мог бы взять на себя эту задачу. Клуб работниц был закрыт полицией. Многие деятельные работницы находились по тюрьмам, в ссылке. Верхи же партийные не придавали значения проведению женского дня, и мои настояния тогда не нашли отклика. Тем не менее я освещала в русской прессе значение этого дня, сообщала его итоги, стремясь подготовить настроение к проведению его в будущем году.

Весною 1911 г. я жила в предместье Парижа в Пасси, где запоем писала книгу «По рабочей Европе». Тогда же часто навещала П. Лафарга и его жену Лауру Маркс в местечке Дравейль. Дни и особенно вечера, проведенные в беседах с Лафаргами, этими бле-

стящими умом, остроумием и знанием ветеранами движения, остались крепко запечатленными в памяти. Смерть их — самоубийство в том же году—явилась для меня личным ударом. Осенью в Париже и ряде северных промышленных городов Франции вспыхнула известная стачка «менажерок»,—домашних хозяек. Стачка, вызванная дороговизной, протекла бурно: жены рабочих громили рынки, возвращались домой с пустыми корзинами, но не покупали припасов по взвинченным ценам. Особенно боролись они против высоких цен на молоко и мясо, требуя нормировки цен на продукты. Менажерок арестовывали; они отвечали шумными митингами и демонстрациями. Движение это описано мною в статьях, появившихся в «Нашей Заре» в том же году.

Стачка менажерок застала меня на юге Франции. Но я сейчас же направилась в Париж и окунулась с головой в это движение. Приходилось проводить по несколько собраний в день, выступая на площадях, на базарах, в крупных залах и темных, тесных ресторанчиках. Живой и бодрый дух царил среди взбунтовавшихся рабынь домашнего очага. Было несколько великолепных по силе и энергии женских фигур. Некоторые отличались даром слова, которого они и не подозревали. Рабочие поддерживали движение и местами объявляли забастовку с требованием нормировки цен на продукты.

К концу сентября движение улеглось. Менажерки одержали частичную победу: буржуазное правительство прибегло к нормированию цен через муниципалитеты (местные органы самоуправления) и поспешило с закупками мяса из Аргентины. В Париже я оставалась только до января 1912 года, участвуя в движении против трехлетней службы и милитаризма. Два раза из Парижа ездила в Бельгию на агитацию, обслуживая лекциями русские колонии по поручению тов. Чичерина-Орнатского и агитируя по текущим вопросам (тогда шла острая борьба с клерикалами) по приглашению Бельгийской партии. Особенно яркое впечатление оставила по себе работа в районе Боринаж, угольном центре Бельгии, где готовилась забастовка, и где приходилось осторожно, но настойчиво готовить настроение. Забастовка эта вспыхнула вскоре после моего отъезда и кончилась частичной победой; длилась она 6 недель.

В Брюсселе приходилось бывать в изысканно-культурной обстановке дома Вандервельде, в которой бывали все бельгийские «имена»: знаменитости из области искусства, литературы и науки, в обстановке, являвшейся резким контрастом с картинами обнищания и каторжных работ и условий труда рабочих масс, какие встречала

во время своей агитационной поездки по Бельгии. Помню, как однажды мне пришлось проехать по делу к Вандервельде прямо с вокзала, после нескольких дней, проведенных по фабричным местечкам, в поезде, или шагая по проселочным дорогам, где нога утопала в осенней грязи. Лакей во фраке долго не соглашался даже «доложить» обо мне, и надо было видеть, с каким пренебрежением он двумя пальцами повесил мое пальто, измазанное грязью проселочных дорог. Тогда же передо мной вставал вопрос: как же рабочие ходят к своему вождю? Где же общение, где же товарищеское руководство? Вандервельде уже тогда метил в министры.

Зато в памяти остались необыкновенно сердечное, товарищеское отношение бельгийских рабочих, их участливая забота об агитаторах, их желание поделиться с ними последним. Помню, как в Туркуан, где как раз была острая безработица, и рабочие семьи буквально голодали, товарищи, провожая меня на вокзал, после удачно проведенных у них собраний, принесли мне на дорогу огромный бумажный мешок с булками, купленными «в складчину». В другом местечке во время митинга кто-то унес мои калоши. Итти до станции надо было версты две—три по вязкой осенней грязи. Устроители были очень взволнованы инцидентом. Через несколько дней получила в Брюссель переводом по почте 5 франков (на русские деньги тогда рубля два), с письмом от рабочих того местечка, где пропали мои калоши. Меня извещали, что калоши не нашлись, и что взамен рабочие «в складчину» шлют мне деньги на покупку новых. Надо учесть, что заработки там были крайне низкие, не доходившие часто до 2 франков в день.

Клерикальная пресса подняла против меня травлю. Придрались к моим беседам о религии. Был поставлен вопрос о моей высылке, и бельгийские товарищи посоветовали мне уехать, чтобы не закрыть себе доступ в Бельгию на будущее время.

В январе 1912 г. я вернулась в Берлин, где работала по собиранию материалов для задуманного труда «Общество и материнство». Книгу эту закончила только в 1914 году. Вышла она в печать в 1915 г. в Петербурге, в издательстве тов. Бонч-Бруевича: «Жизнь и Знание». Разумеется, вела агитационную работу и в германской партии.

Осенью 1912 года шведский союз Социалистической молодежи (левое крыло шведской партии, с тов. Хеглундом во главе) пригласил меня приехать для агитационного турнэ по Швеции. В Швеции остро стоял вопрос о милитаризме и новой системе призыва. Левое

крыло выступило в качестве ярых анти-милитаристов. Брантинг стоял за укрепление военной мощи Швеции.

В сопровождении т. Шельда (в качестве переводчика) я в течение апреля объездила ряд шведских городов и местечек, забираясь на сравнительно далекий север, агитируя даже среди шведских матросов и гарнизона. Первое мая «Союз Молодежи» (левые) выступали с особой платформой в революционно-интернационалистическом духе против оппортунически настроенных «правых» социал-демократов. И опять вся буржуазная пресса ополчилась на меня, сея на мой счет всякие небылицы.

По возвращении из Швеции меня встретил неожиданный конфликт с германской партией. Вышла в России моя книга «По рабочей Европе». И в ней я отметила уклон к оппортунизму и растущую бюрократизацию партийного аппарата германской социал-демократии. Местами осмеивала «генеральство», напыщенность и самомнение лидеров, противопоставляла здоровое классовое чутье низов обюрократившемуся самомнению и косности верхов. Книгу мою германские товарищи прочесть не могли—она появилась на русском языке, но сами же русские товарищи постарались о том, чтобы преподнести немцам мою книгу, как злостную сатиру на германскую партию, как клеветнический памфлет, который может быть на руку только врагам рабочего класса. Верхи ощетинились. От Каутского я получила письмо «с отповедью», и наши личные отношения порвались. С разных сторон от недавних немецких друзей приходили холодные письма, говорившие о моем неблагородном поступке по отношению к германской социал-демократии. Указывали, что германская партия пригрела в моем лице змею на своей груди; меня приняли в партию, меня, как товарища, пустили на работу, позволили заглянуть во все интимные стороны партийной жизни, и вот как я за это отплатила партии. Тщетно добивалась я того, чтобы товарищи ознакомились с моей книгой. Предубеждение, посеянное клеветнической ее оценкой, сделало свое дело. Немецкие товарищи от меня отворачивались, они были оскорблены «за сильнейшую и лучшую партию в мире». Один К. Либкнехт, который познакомился с моей злосчастной книгой, негодовал на предвзятость верхов, на их страх критики, ездил объясняться по поводу меня с форштандом (Ц. К. партии), но так как против меня конкретных мер не принималось, то и его вмешательство не могло помочь: предубеждение осталось.

Лето 1912 г. я в крайне тяжелом душевном состоянии провела в рабочем поселке под Берлином (Цейтине), гнезде металлистов, работая над своей книгой «Общество и материнство». На агитацию

меня германская партия уже не звала. В сентябре я получила от английских товарищей приглашение приехать на Конгресс трэд-юнионов в Нью-Порте. Разумеется, я воспользовалась предложением, тем более, что для моей книги мне недоставало английских источников и материалов.

Во время моего пребывания в Англии в 1912 г. я изучала специально участие женщин в кооперативном движении, познакомилась с вождями движения Маргаритой Бонфилд и Дэвис и завязала связи с рабочей молодежью—организаторами социалистических рабочих университетов. Хотя в университетах этих преподавание велось по «школе Маркса», среди молодежи царил дух синдикализма; но все же в них чувствовалась революционная смелость и решительность, которой не хватало у вождей старого трэд-юнионизма.

На конгрессе шла борьба двух течений по вопросу о новой тактике трэд-юнионов и «рабочей партии».

«Левые» отстаивали большую отчетливость классовой политики и поддержку «массовых действий». Пришлось не только выступать на Конгрессе в поддержку «левым», но и сражаться со старыми трэд-юнионистами на ряде предварительных совещаний. Гендерсон, тогда секретарь «Рабочей партии», всячески тормозил признание моего мандата, но его отстояли Том Манн и др. представители тогдашней левой.

Работа в Британском музее дала богатый материал для моей книги, и в Берлин я вернулась с твердым намерением спешно закончить начатый труд. Но вместо того пришлось снова расхлебывать кашу, заваренную вокруг моей книги: «По рабочей Европе». За мое отсутствие псевдоним (как оказалось, русский) написал в центральный орган проф. союзов Германии рецензию на эту книгу, в которой доказывал, что книга является плодом «открытого» ренегатства, отказом от социал-демократии и т. д. Разумеется, приведены были те места, где в не совсем-то почтительном тоне говорилось о «верхах», или где осуждался партийный бюрократизм.

Пришлось не только вступить в полемику, но и ездить объясняться с вождями профдвижения. Легин был особенно возмущен тем, что я осмелилась «заподозрить» германскую партию в «оппортунизме». Мое объяснение с ним просится на бумагу, как характерная бытовая черточка. Так опошлились уже тогда верхи партии, что всякое слово критики, даже и справедливой, они рассматривали, как оскорбление «ее величества социал-демократии». Во всякой иронии по отношению к Шульцу или Мейеру видели явное доказательство «измены социализму».

Ответ на рецензию по поводу моей книги был составлен Либкнехтом. Но псевдоним не угомонился. Он разразился новой статьей, где бросал двусмысленные намеки на мою личность: «на каком-де это основании германская полиция держит русскую политическую эмигрантку в Берлине? Тут что-то нечисто!» На эту гнусную заметку русские руководящие товарищи ответили письмом-протестом, причем характерно, что опять-таки под протестом стояли имена и меньшевиков, и большевиков, и троцкистов.

Внешне инцидент был исчерпан; но многие месяцы прошли раньше, чем мои отношения с германской партией восстановились, а с отдельными товарищами личная дружба так и порвалась. Я остановилась так подробно на этом мелком по существу инциденте, так как он характерен для атмосферы, царившей в германской партии до войны, и так как для меня лично он имел большое значение.

В ноябре 1912 г. созван был экстренный Международный съезд в Базеле перед лицом грядущих осложнений на поприще международных отношений держав и войны на Балканах. Так как в это время у меня, благодаря приезду т.т. из России, вновь оживились сношения с русскими работницами, то мне присланы были два мандата на Съезд: от союза текстильщиков и от работниц иглы. На официальном митинге в день открытия Конгресса мне пришлось выступить от России от обеих фракций. По окончании Конгресса я оставалась несколько времени для агитации в Швейцарии.

В феврале 1913 г. швейцарская партия выписала меня вновь для подготовки проведения женского дня. Почин вызова принадлежал левому крылу партии с тов. Платтеном во главе. Из Швейцарии поехала в Париж, оттуда в Бельгию, читая лекции по русским колониям. Вернувшись в Берлин, я вела уже исключительно литературную работу, что вызвано было отчасти недружелюбными отношениями с германской партией, отчасти и состоянием моего здоровья (после операции). Тогда же мною написана статья «Новые женщины» и ряд других статей на темы о проблемах пола (появились в «Новой Жизни»).

Благодаря оживившимся в 1912—1913 годах сношениям с русскими работницами, мне удалось настоять на проведении женского дня 23 февраля (8 марта) в России. День этот отмечен был выпуском специального номера обеих, — легально выходивших тогда, — газет: большевистской «Правды» и меньшевистского «Луча». В составлении обоих номеров я принимала непосредственное участие.

Лето 1913 года до поздней осени (средина ноября) я провела в Англии, преимущественно в самом Лондоне. Это был период, когда «дело Бейлиса» находило живой отклик во всех не только революционных кругах, но и просто среди людей честно мыслящих. В Лондоне принимала активное участие в агитации по делу Бейлиса. Вместе с делегаткой Финляндского сейма Хилье Персинен, мы тогда же занимались изучением постановки социальной помощи матерям и детского призрения в Англии и читали лекции работницам в «Доме Бебеля», организованном энергичным товарищем Адаме Бриджес. Но главным образом работала над своей книгой «Общество и материнство».

По возвращении в Германию в конце 1913 г. я нашла, что атмосфера недружелюбия ко мне значительно рассеялась. Переведенная на немецкий язык совместно с писательницей Эттой Федерн книга моя: «По рабочей Европе» в рукописи циркулировала среди верхов,— и более объективные товарищи убеждались, что содержание ее во всяком случае не давало повода к заподазриванию меня в измене и предательстве. Тов. Клара Цеткин первая написала мне по этому поводу дружеское письмо. Шли переговоры об издании книги на немецком языке, чему помешала война. Меня снова вовлекли в партийную работу. За этот период моего отсутствия из Берлина партийная жизнь и работа в России значительно окрепли и оживились. Это сразу отразилось на усилении связи с Россией. В России назревало движение. Общий подъем вызвал также появление почти одновременно двух журналов работниц,—большевистского и меньшевистского. Сама жизнь осуществила то, над чем я тщательно билась предыдущие годы. Я тогда работала в «Голосе работницы» (меньшевистском).

В тот же период у меня начались трения с меньшевиками в берлинской группе. Первым поводом послужила высылка Луначарского из Берлина, куда он приезжал читать лекции в русской колонии. Колония проявила непозволительную трусость, что вызвало с моей стороны протест. Трения между нами усилились по вопросу об образовании особого центра в Берлине для усиления связи с Россией и для более интенсивной политической работы эмиграции. Несмотря на то, что в Берлине проживало много русских рабочих, их в колониальный центр не вводили; мое предложение «орабочить» центр встречено было, как демагогический прием. Руководящая в колонии группа считала, что в центре должны быть люди с «конспиративным опытом», имеющие прочные связи с германской партией; а этими качествами обладали только «старые партийные эмигранты».

Образовалась своего рода группировка в колонии на «верхи и низы». Я шла с низами, что вело к неизбежным трениям.

Весною 1914 г. был момент, когда фракционные трения в партии особенно обострялись. Чувствовался разнобой даже в самих фракциях. Троцкисты закрепляли свою группу, отмежевывались от меньшевиков. С своей стороны меньшевики пытались сплотить единомышленников. Находившийся в то время в Берлине Павел Бор. Аксельрод особенно хлопотал об этом закреплении меньшевистских сил. История с провокатором Малиновским давала новые аргументы меньшевикам в борьбе с большевизмом. Приемы, которыми эта борьба проводилась, заставили меня отойти от активной работы в меньшевистской берлинской группе.

На очереди, в связи с намеченным в августе Международным Конгрессом и Конференцией в Вене, у меня стояли письменные и литературные работы. Весну и лето 1914 г. провожу за усиленной подготовкой к конференции, пишу статьи для журналов работниц на разных языках и готовлю материал для доклада на международной конференции о социальном обеспечении материнства. Тогда же мною написаны были брошюра «Работница-мать» и ряд статей для русской прессы по вопросам страхования.

В конце мая в Берлине собралось совещание бюро по созыву международной конференции социалисток. Я входила в бюро в качестве корреспондентки от России в международном секретариате, в котором числилась еще со времени Штутгардта (с начала 1914 года в секретариат от большевиков входила также т. Инесса). В воздухе пахло порохом; атмосфера была беспокойная. Бюро организовало грандиозный митинг работниц в Берлине, направленный против войны и милитаризма. Вмешательство полиции помешало моему выступлению; речь моя оглашена была в писаном виде. И хотя подписана была псевдонимом Давыдовой,—вслед за митингом началась за мной открытая слежка полиции, опрос квартирной хозяйки, где я жила, и др. симптомы, свидетельствующие о возможной высылке. Тогда я направились в Баварию, откуда спешно вернулась в момент объявления войны.

IV. Годы мировой войны.

Война застала меня в Берлине. При содействии т. Либкнехта удалось выбраться из Германии с группой партийных товарищей лишь в середине сентября. Все мы были переарестованы, но выпущены под обязательство ежедневных явок в полицию.

Мне пришлось присутствовать на историческом заседании 4 августа, когда немецкая партия голосовала за войну. Лишь Либкнехта и 2—3 товарищей не захватил угар шовинизма. Невольно общность занятой по отношению к войне позиции еще теснее сблизила меня с Либкнехтом и его семьей. В то время мы, интернационалисты, были очень одиноки и изолированы, даже среди русских. Ввиду того, что многие русские эмигранты очутились в момент объявления войны в безвыходном материальном положении, пришлось заняться организацией помощи русским товарищам. Активно помогали нам немецкие товарищи Фукс, Оскар Кон, разумеется, Либкнехт и некоторые другие. Зато официальные верхи партии держались «осторожно», боясь скомпрометировать свой патриотизм. Недели «германского плена» описаны мною подробно в специальном очерке, поэтому здесь не буду касаться этого любопытного и характерного периода.

Вырвавшаяся из германского плена группа товарищей, настроенная более интернационалистски, решила воздействовать на Интернационал через партии нейтральных стран и вызвать его к «действиям». Вместе с тов. Урицким мы отправились договариваться с датской партией, тогда как другие товарищи поехали в Стокгольм. У нас были два или три заседания с Ц. К. датской партии; но настроение датских социалистов было безнадежно-осторожное. Тогда мы перекочевали в Стокгольм, где имели опору в левых социалистах Швеции. Я спешила использовать свое пребывание в нейтральной стране, чтобы завязать связи с социалистками воюющих держав. Мой план был организовать международное выступление работниц против войны. В таком духе составлено было мною воззвание, подписанное группой русских работниц в Стокгольме, которое было отпечатано нами и разослано в Россию и во все страны.

Мои статьи в шведской прессе, неосторожные выступления на рабочих митингах против войны и милитаризма в тот момент, когда Швеция готовилась сама «к обороне», а, может быть, и то, что моя комната превратилась в своего рода «штаб-квартиру»,—повлекли за собой мой арест. Буржуазная пресса обрушилась на меня, обвиняя в шпионстве, в том, что я «агент» Антанты и т. д. Потаскав по шведским тюрьмам, шведские власти выслали меня в Данию. Здесь власти датские учинили надо мной гласный надзор, а датская партия из «предосторожности» и нежелания себя скомпрометировать не позволяла ни выступать, ни писать. Лишь

группа левых социалистов, с тов. Триером во главе, и лидеры синдикализма не боялись общения со мной.

К этому времени удалось восстановить связь с группой товарищей во главе с тов. Троцким, Антоновым, Мартовым, которые издавали в Париже интернационалистическую газету «Наше Слово». Тогда же начала налаживаться связь с швейцарским центром, т.-е. с большевиками, с тов. Крупской и тов. Лениным, позиция которых, выраженная в «Социал-Демократе», была мне очень близка.

В конце января или начале февраля 1915 г. я перекочевала из Дании в Норвегию, куда звали норвежские товарищи, и где с меня был снят, наконец, докучливый полицейский надзор. В Норвегии с новой энергией взялась за идею организации международного выступления работниц 8 марта против войны. Идея эта нашла полную поддержку в товарище Кларе Цеткин; но атмосфера несочувствия, формальные препятствия и, наконец, запрет, наложенный на это начинание германскими верхами, разбили все наши усилия. Только в Норвегии удалось в скромных рамках придать женскому дню характер интернационального протеста против войны. Вместо демонстрации работниц, возникла идея созыва международной конференции социалистов в Швейцарии, куда я, однако, в силу ряда технических затруднений, попасть не смогла, но послала свою декларацию в качестве члена женского международного секретариата. Декларация эта составлена была в духе революционного интернационализма и совпадала с принципиальной позицией группы большевиков на бернской конференции.

В русской и иностранной прессе за этот период мною помещен был ряд статей в разоблачение социал-партиотизма. Статьи о германской социал-демократии в «Нашем Слове» встречены были сочувственно и в Парижском, и в швейцарском центре интернационалистов. Связи мои с большевистским центром крепли. Лозунги «Социал-Демократа» о противопоставлении империалистической войне войны гражданской и о расколе с социал-партиотами нашли во мне полный отклик. В подготовке к Циммервальду я принимала участие, помогая шведским и особенно норвежским товарищам укрепиться на нашей позиции и способствуя всячески распространению взглядов большевиков. Тогда же приходилось налаживать техническую связь для нелегальных сношений с Россией, Англией и Америкой.

В мае 1915 г. я участвовала на съезде норвежской партии в Трондьеме. Вместе с энергичным представителем левого крыла партии в Норвегии Трандмелем мы провели на севере Норвегии

грандиозные митинги протеста против войны. В самой Христиании открытые выступления были затруднительны,—приходилось работать на небольших закрытых собраниях.

Окончательная связь с большевиками закрепилась с момента моего вхождения в журнал «Коммунист», вышедший летом 1915 г. по почину тов. Бухарина и Пятакова. Но с группой «Нашего Слова» в Париже я не порывала, продолжая писать и туда и находясь с парижской группой в постоянной связи. С «Социал-Демократом», в частности с тов. Лениным, у меня были тогда расхождения по двум вопросам: по вопросу о национальном самоопределении (вместе с тов. Бухариным и Пятаковым я считала, что этот пункт должен быть выброшен из программы) и по вопросу о милитаризме (мне казалось, что мы должны отстаивать лозунг «разоружения», и лишь постепенно я пришла к выводу о логической связи «гражданской войны» со всеобщим вооружением). Летом 1915 г. мною написана была брошюрка «Кому нужна война», изданная осенью того же года Ц. К. большевиков. С Либкнехтом и его семьей вплоть до мая 1915 г. сохранились сношения. Еще в 1914 г. я послала в русскую легальную прессу опровержение клеветнических сообщений о национализме Либкнехта и способствовала распространению письма его, разоблачавшего характер войны и лживую политику германского кайзеризма. Но с Цеткин связь у меня порвалась: она сидела в тюрьме. Работа по организации социалисток в духе интернационализма была этим приостановлена.

Осенью 1915 года я получила от германской фракции Американской партии предложение приехать для агитации за Циммервальд в Соединенные Штаты. Захватив имеющуюся на-лицо большевистскую литературу, я в сентябре, собравшись в несколько дней, спешно отправилась в Нью-Порк. В Америке мне пришлось пробыть с октября 1915 г. по конец февраля 1916 года, все время находясь в напряженной работе. Объездила свыше 80 городов и местечек. В американской партии так же, как и во всем мире, шла борьба двух течений: приверженцев II Интернационала и циммервальдийцев. Пришлось не только сражаться с оппортунистами и приверженцами II Интернационала, но и в среде циммервальдийцев способствовать группировке, выявлению и выделению «левого» крыла. Работали тогда с тов. Людвигом Лоро (немецкая группа), т. Редгерсом (Голландия), Катаяма (Япония) и небольшой, но стойкой группой русских большевиков. Писала в американской прессе интернационалистического направления. По работе среди женщин в тот приезд в Америку ничего не сделала. Отвлекали

другие задачи. Разумеется, буржуазная пресса клеймила меня «агентом», и поочередно газеты уличали меня: немецкие,—что я агитирую на средства «союзников», а союзнические газеты,—что я «агент» Германии. .

Возвращаться в Норвегию пришлось с предосторожностью, чтобы миновать блительное око англичан на Шотландских островах. В Норвегии я пробыла с марта по август 1916 г. Из Швеции в то время выслали группу русских товарищей,—между прочим, тов. Бухарина и Пятакова. Они поселились в Христиании. Нередко к нам из Дании наезжал тов. Урицкий. Сношения с Россией оживились. Настроение там подымалось. Товарищи нелегально перебирались в Россию, чтобы ускорить «бродильный процесс». В этот период я писала преимущественно на текущие темы для иностранной прессы и заготовляла материал по специальному труду, который докончить помешала революция.

В августе 1916 года вновь отправилась в Америку, где провела несколько месяцев. Сюда же перебрались тов. Бухарин, т. Троцкий и др. Работали по закреплению «Циммервальдской левой». Сотрудничала в русской газете «Новый Мир» и в американской партийной прессе. Одновременно изучала по первоисточникам феминистическое движение в Соединенных Штатах и постановку школьного дела.

Америка находилась накануне вступления в круг воюющих держав. Уезжая в начале 1916 г., я оставила Америку, настроенную против войны. Осенью 1916 г. я застала ее охваченную шовинистским угаром. Наша группа левых циммервальдийцев вела свою определенную тактическую работу, пропагандируя идеи большевизма. Но полного единства тогда еще не было. Помню, как на одном из собраний группы по изданию журнала левых циммервальдийцев мною была развита точка зрения о необходимостк готовить силы пролетариата к вооруженному выступлению. Мысль эта показалась большинству присутствующих неприемлемой, и тов. Бухарин, разъясняя мои слова, говорил, что их не надо понимать буквально, а принимать их, как линию «возможного развития движения». Между тем тов. Бухарин стоял тогда на крайней левой. Так далеко было большинство товарищей от предвидения близости революционного сдвига. В ответ на растущую угрозу вступления Америки в войну, мы решили, помимо газетных статей, выпустить еще и специальное воззвание, переведенное на разные языки. Воззвание было написано мною и издано германской группой почти накануне объявления войны. Момент

вступления Америки в круг воюющих держав застал меня уже на пути в Норвегию, на океане.

В Норвегии пришлось пробыть всего около месяца. Февральская революция 1917 года открыла возможность возвращения в Россию. чем мы, разумеется, и воспользовались. Но прежде, чем вернуться в Россию, я дождалась директив тов. Ленина, с которым находилась в непрерывном письменном общении. Первые же отрывочные вести из России, говорившие о вхождении во Временное Правительство «социалистов», меньшевиков и эс-эров, показали мне ошибочность взятой ими тактической линии. В норвежском «Социал-Демократе» я, в виде интервью изложила свои взгляды на курс революции, что сбивало с толку не только иностранных, но и русских товарищей, опьяненных революцией и стоявших за «единство фронта». Те же взгляды я проводила и на грандиозном митинге, устроенном норвежской партией в честь русской революции.

Вместе с тов. Пятаковым, тов. Бош и т. Ганецким мы установили связь между Россией и Швейцарским центром на случай нашего отъезда и предприняли ряд шагов для ускорения переезда членов большевистского Ц. К. в Россию, если это окажется возможным. Я была в числе первых политических эмигрантов, прибывших в новую революционную Россию. В Петербург приехала 19 марта (1 апреля) ночью, чтобы в тот же вечер, заявив свою солидарность с большевистской «Правдой», окунуться с головой в работу вместе с тогда еще очень малочисленной группой большевиков.

V. Годы революции.

Годы революции еще слишком свежи в памяти; они не нуждаются в пояснениях и дополнениях; поэтому ограничусь простым перечислением основных моментов моей работы в этот период.

На другой же день по приезде в Россию мне пришлось выдержать бой с русскими равноправками, устроившими шествие к Таврическому дворцу и требовавшими подтверждения от Временного Правительства, что женщины получат избирательное право. Чхеидзе вышел их успокаивать. Я же и в залах дворца, и на улице вела «большевистскую пропаганду» против войны, против соглашательства, за закрепление власти Советов. Солдаты грозили взять меня «в штыки»; даже свои товарищи-большевики советовали быть осторожнее в речах и не оскорблять подъема народных масс.

Но находились и сочувствующие моим словам: это были «окопные солдаты». Меня стали звать на агитацию в части. От большевистской «военки» меня провели в члены Совета и члены Петербургского Исполкома. Довольно долго я была единственная женщина в Исполкоме. В Совете же было несколько женщин, между прочим три или четыре работницы-большевички. С момента вхождения в Совет я была избрана в Бюро фракции Совета, и вместе с тов. Падериным мы несли всю работу, воюя против членов нашей же фракции (например, тов. Авилова и др.), занимавших неустойчивую позицию. На партийной конференции, предшествовавшей Всероссийскому Совещанию Советов в конце марта, моя позиция была сочтена «крайней левой» (тогда еще т. Ленина не было в России). 4 апреля тов. Ленин выступил со своими историческими тезисами-декларацией. В тот день я одна поддержала открыто его точку зрения против ряда сомневающихся большевиков, за что во всей антибольшевистской прессе, уже и без того трепавшей меня, поднялась дружная на меня атака. Появилась даже частушка: «Ленин, что там ни болтай, согласна с ним лишь Коллонтай». Зато крепли связи с низами. Работы было выше головы. Несколько раз ездила в Гельсингфорс агитировать во флоте—этом оплоте революции. Во время переговоров о коалиционном министерстве 19—21 апреля Бюро фракции и сама фракция Совета стояла за выступление; в таком духе составлена была мною резолюция. Но тов. Зиновьев, явившийся во фракцию, дал настроению фракции другое направление, и резолюция наша была значительно изменена.

В конце апреля и в начале мая вспыхнула первая в новой России забастовка работниц прачечных заведений. Связавшись с ними, я повела среди них работу. Устраивали ежедневно по несколько митингов, вырабатывали требования. Вопрос о положении прачек вынесен был мною на Совет, а затем и на Исполком. Мы добивались муниципализации прачечных, ареста части хозяек и проведения тарифа через Комиссариат Труда. Стачки, длившиеся около месяца, кончились частичной победой: началась муниципализация прачечных. Тариф был установлен. Деятельное участие в этой стачке принимали тов. Сахарова и ряд выдвинувшихся тогда же работниц прачечных заведений.

С момента приезда в Россию я ставила перед товарищами вопрос о необходимости начать работу среди женщин, в особенности, видя, как равноправки овладевают умами работниц и группируют вокруг себя солдаток. Демонстрация солдаток, требовавших повышения пособия (демонстрация эта мною описана в «Правде»

в средине или в конце апреля), еще больше убедила меня в необходимости специально-выработанного партийного аппарата для работы среди женщин, о котором я толковала с 1906 г. Сделана была попытка с моей стороны собрать при Ц. К. группу большевичек. Но после двух-трех собраний я убедилась в тщетности моих усилий: план мой был отвергнут. На партийной конференции в конце апреля я снова пыталась поставить этот вопрос. Но и на специально собранном совещании делегаток партийной конференции план мой опять-таки не встретил поддержки. Между тем план этот (черновик хранится в архиве Истпарта, в папке «Движение работниц»), выработанный нами на собрании работниц при участии тов. Клавдии Николаевой, т. Федоровой и др., заключал в себе, приблизительно, ту же схему организации работы среди женщин, какая впоследствии принята была партией, и по которой сейчас идет работа.

В мае возобновилось издание журнала «Работница». В редакцию вошли: т.т. Самойлова, А. И. Елизарова, Куделли, Величкина (Бонч-Бруевич), Лилина, Сталь, Николаева и я. Журнал служил естественным центром, вокруг которого группировались силы работниц. Т. Самойлова считала, что этим путем мы практически осуществим выделенную работу среди женщин, поскольку она нужна. В специальном аппарате многие видели «уклон к феминизму».

Тогда же в мае мы выпустили воззвание к работницам по вопросу о борьбе с дороговизной. Воззвание составлено было мною. У нас возникла мысль организовать митинги, демонстрации работниц под флагом интернационализма, с протестом против войны и с участием иностранных товарищей. Идею митинга пришлось отстаивать: многие считали его несвоевременным. Это было в начале июня, в момент наивысшего расцвета официального патриотизма, когда Керенский звал в наступление, а инвалиды устраивали шествие по Невскому, неся портрет Александра Федоровича Керенского, как икону. 10 июня митинг, организованный журналом «Работница», состоялся. Успех его превзошел ожидания. Цирк Чинизелли не вмещал многотысячную толпу,—пришлось устроить два добавочных митинга на площади и в саду цирка. Однако в этот период я сравнительно мало отдавала сил работе среди работниц. Душою этой работы являлись тогда т.т. Самойлова и Николаева. Меня отвлекала работа общего характера: в бюро фракции Совета, в Исполкоме, на бесчисленных митингах по войсковым частям, выборы в городскую думу, всякого рода партийные сове-

щания, первый Всероссийский Съезд Советов (на котором я выступала с докладом по национальному вопросу), комиссии Съезда, поездки по Финляндии, где я работала среди флота, работы в Рождественском районе, в думе, куда я была избрана, и т. д. Не бросала я только работы среди прачек, пока шла забастовка, и среди солдаток, стремясь использовать объединение солдаток для пропаганды идей большевизма. В мае Ц. К. поручил мне представительство на Съезде финской партии, уполномочив склонить партию к выходу из II Интернационала и к присоединению к Циммервальду. Миссия эта увенчалась успехом.

В 20 числах июня состоялась первая всероссийская конференция профсоюзов, где я выступала с докладом по вопросу о вовлечении работниц в профдвижение. Предложенные мною тезисы и резолюция были приняты конференцией.

В конце июня Ц. К. послал меня в качестве своей представительницы на совещание Циммервальда в Стокгольм для закрепления позиции левых и для откола, если эта позиция не пройдет. Это был момент напряженнейшей борьбы между большевиками и Вр. Правительством. Массы рвались на выступление. Керенский кричал о гибели фронта и пугал начавшимся отступлением русских войск и победой германского милитаризма. Июльские дни назревали: видна была их неизбежность; но я рассчитывала вернуться через две недели и надеялась не опоздать к желанному моменту новых баррикад. В те дни некоторым из нас, рвавшимся на выступление, осмотрительность Ленина казалась почти «соглашательством».

Циммервальдское совещание полностью не состоялось: немцы уже уехали. Не было оснований ставить вопрос об «отколе». Июльские дни застали меня еще в Стокгольме. Тревожные вести о разгроме большевиков, аресты, наглые телеграммы о том, что б-ки «шпионы» и «агенты» Вильгельма, заставили меня, несмотря на уговоры со стороны товарищей в Стокгольме, ускорить возвращение в Россию. Шведские товарищи поместили о моем отъезде заметку, озаглавленную: «Тов. Коллонтай, едущая в тюрьму Керенского». Так оно и было. В Торнео меня арестовали те самые пограничные войска, которые встретили меня радушными приветствиями, когда я четыре месяца перед тем возвращалась в Россию из эмиграции. В петербургской каторжной тюрьме на Выборгской стороне Временное Правительство продержало меня свыше месяца на особо строгом положении: без газет, без свиданий и т. д. Выпустили после настояния товарищей и на другой же

день, по специальному приказу Керенского, я была вновь арестована домашним арестом, от которого освободило меня вмешательство Петерб. Совета. Освобождение совпало с созывом «демократического совещания». Началась новая полоса: революционная волна вновь поднималась, симпатия вокруг большевиков росла.

За время ареста я была избрана партийным съездом в члены Ц. К. большевиков. В сентябре 1917 года, вместе с тов. Свердловым, мы решили образовать бюро по работе среди женщин, приурочив его к избирательной кампании в Учредительное Собрание. Это был период напряженной работы, частые заседания Ц. К., Северный Областной съезд, Предпарламент, непрерывная агитация по заводам, войсковым частям и в цирке «Модерн».

В конце сентября образовалась инициативная группа большевичек по созыву I конференции работниц при П. К. Я была секретарем группы. Конференция должна была состояться в конце октября, но Октябрьская революция заставила отложить ее созыв до начала ноября. Созвана она была уже в советской России. Предложенные мною и утвержденные конференцией положения об обеспечении материнства вошли в декрет по социальному обеспечению материнства.

В Октябрьских событиях я принимала активное участие. На 2 Съезде участвовала в качестве члена президиума, на решающих заседаниях Ц. К. в качестве члена Ц. К., разделяла позицию курса на «В. В.» (вооруженное восстание) и против соглашения с другими партиями.

Введена была тогда же в состав Совета Народных Комиссаров I созыва в качестве Наркома Государственного Призрения, ныне Соцобеса. В качестве Наркома провела декреты об улучшении участи увечных воинов, декрет о коллегии (отделе) охраны материнства, о «дворце материнства» в подведомственных Соцобесу учебных заведениях; ввела отмену преподавания религии еще до общего декрета об отделении церкви от государства; перевела в ведомстве Госпризрения всех священников на гражданскую службу; установила положение о самоуправлении учащихся и т. д. Тогда же Наркоматом Госпризрения организованы были первые детские дома не приютского типа, распределители для детей и для нетрудоспособного населения; приступлено было к реорганизации положения дефективных детей; образована комиссия, с доктором Артемовским во главе, по организации санаторий во всероссийском масштабе (санатории тогда находились тоже в ведении Госпризрения). Издан декрет о преобразовании родильных приютов;

взята Александро-Невская лавра под общежитие для увечных воинов и т. д. Основным принципом, который проводился и отстаивался мною в качестве Наркома, была коллегиальность, стремление всюду проводить и будить самодеятельность, начиная от служащих Наркомата, кончая союзом увечных воинов, при введении во все коллегии представителей от «Союза младших служащих», т.-е. от технического персонала тех разнотипных учреждений, которые входили в ведение Наркомата Госпризрения.

В феврале 1918 г., в качестве члена русской делегации В. Ц. И. К., вместе с товарищами Натансоном, Берзином и др., пыталась проникнуть в Швецию; пароход наш попал на ледяное поле, был затерт льдинами, дал течь. Пришлось искать спасения на Аландских островах, где чуть не попали в руки финских белогвардейцев и немцев, и оттуда бежали. Попавшийся им в руки член нашей делегации, финский товарищ, был тут же расстрелян; другого финского товарища нам удалось спасти. Участвовала в качестве члена президиума на 4 Съезде Советов и немедленно после Съезда ушла с поста Наркома, не разделяя Брестского мира и поворота в области военной политики, о чем и подала соответствующее заявление в Сов. Нар. Ком. 18—19 марта 1918 г.

Весну 1918 года и часть лета читала лекции и агитировала в поволжских городах. Осенью Ц. К. послал меня на работу в текстильный район. Там у меня возникла мысль о созыве первого всероссийского съезда работниц. Тов. Свердлов поддержал эту мысль. Съезд созван был в ноябре 1918 г. и положил начало организованной работе партии среди женского трудового населения Советской России. Съезд принял намеченную мною и т. Инессой схему работы, и Ц. К. утвердил «комиссии», которые позднее преобразованы были в отделы.

Зиму 1918—1919 года провела в Москве, на работе среди женщин, в качестве члена Центральной Комиссии работниц, и на общей агитации. Писала в «Правде», в «Известиях», в «Центральной Страничке работниц», в «Коммунаре». Зимою 1918—1919 года мною написана была брошюра «Семья и коммунистическое общество», «Работница за год революции»; заготовлены к переизданию три брошюры («Как борются работницы за свои права», «Новая мораль» и «Международные съезды»); написана статья о Розе Люксембург и т. д. Участвовала на первом Съезде Интернационала и внесла принятую Съездом резолюцию о вовлечении работниц в движение. Выступала на партийном 8 Съезде с докладом о работе среди женщин и настояла в комиссии на внесении в пересмотренную

партийную программу некоторых дополнений, касающихся признания равноправия женщин. Пункты, касающиеся семейно-брачных отношений и отношения к проституции, были в комиссии отвергнуты.

Немедленно после партийного съезда уехала на Украйну, где пробыла с конца марта по сентябрь 1919 года. Работала в г. Александровске, в профсоюзах, среди К.С.М. и по организации работниц. Ездила с агитацией на фронт. От Союза металлистов была делегирована на Всеукраинский Съезд Профсоюзов в Харькове. В Харькове пробыла месяца полтора, в тесной работе с тов. Конкордией Самойловой; заложили начало организации работниц в Харькове. Также издавали «Страничку работниц». Участвовала и в общей работе. Ввиду тревожного настроения и нового наступления Деникина поехала в мае на работу в Донбас: Бахмут, Луганск и ряд больших и малых рудников. Попала в момент прорыва Деникина; отступала уже с войсками. Тяжелые картины отступления заставили меня сделать об этом сообщение тов. Троцкому. Но положение было уже безвыходно, Харьков находился накануне эвакуации. Из Харькова я направилась в Крым, где была назначена председателем Политуправления Крымской Республики. Начала налаживать журнал, школу политработников, взялась за сплочение интернационалистов и установление сношений с рабочими южных государств Европы. Эвакуация из Крыма прервала начатую работу. Последнее воззвание к населению от Сов. власти в Крыму написано мною ночью накануне эвакуации. Разумеется, и в Крыму вела работу среди трудящихся женщин.

В Киеве, куда приехала из Крыма, меня назначили Наркомом пропаганды и агитации Украйны. В Украинском правительстве удалось, однако, проработать всего два месяца, при чем работа заключалась, главным образом, в налаживании и создании аппарата нового Наркомата и в работе межведомственной комиссии по разграничению функций Комиссариатов. Вместе с тов. Мойровой и Чернышевой заложили в Киеве фундамент по работе среди женщин. Новая эвакуация, на этот раз из Киева, пресекла начинания Наркомата пропаганды Украйны. В сентябре 1919 г. вернулась в Москву (при чем удалось вывести из Украйны оба агитпарохода и агитпоезд Наркомата) для работы в отделе Ц. К. по работе среди женщин. Тогда же назначена была представительницей Ц. К. в «Комсомол» и от Женотдела в Отдел по работе в деревне.

Серьезная болезнь продержала меня вне активной работы с ноября 1919 года по апрель 1920 г. На 7 Съезде Советов вновь была избрана членом В. Ц. И. К. Весною 1920 г., в качестве заве-

дующей всероссийским Женотделом, провела через Исполком Коминтерна созыв первой международной конференции коммунисток. Май и часть июня находилась на Северном Кавказе. В Кисловодске наладила работу среди женщин и способствовала организации партшколы. Вторичная серьезная болезнь вывела меня из строя с июля по октябрь 1920 года.

С тех пор состояла завед. Женотделом Ц. К. Р. К. П., заместительницей секретаря в международном женском секретариате Коминтерна и в качестве таковой членом Исполкома, членом В. Ц. И. К и межведомственной комиссии по борьбе с проституцией при Соцобесе. Комиссия эта возникла по моему почину еще в 1919 г. Деятельность ее оживилась с осени 1920 года. Основные тезисы о мерах борьбы с проституцией разработаны мною. При моем участии поставлен был на дискуссию вопрос о «новой морали». Тезисы мои о «новой морали» напечатаны в 12 номере «Коммунистки».

За зиму 1920—1921 года работала, главным образом, в Женотделе Ц. К. и в международном секретариате. Активно содействовала постановке работы среди женщин Востока, созыву первой конференции коммунисток Востока и второй международной конференции, проведению через Совнарком закона о практикантках и принятию постановления 8 Съезда Советов о привлечении к роли активных строителей хозяйства работниц и крестьянок. Тезисы моего доклада на международной конференции коммунисток, принятые конференцией, утверждены конгрессом Коминтерна и положены в основу работы среди женщин Компартии всех стран. Участвовала на X Съезде партии в группе рабочей оппозиции; к X Съезду появилась моя брошюра «Рабочая оппозиция». На 3 Конгрессе Коминтерна участвовала в качестве полномочного делегата Р. К. П. Состою членом В. Ц. И. К., членом Международного женсекретариата и представительницей последнего в Исполкоме Коминтерна.

Ал. Коллонтай.
